

Бетси

Львы поют, холмы летают,
В полночь солнышко сияет.
Муж оглох, жена ослепла,
А дурак восстал из пепла
И теперь смеется лихо.
Правь же, хаоса владыка!

*Считалка из детской игры,
услышанная в Великом Арвалоне,
Четвертая эпоха*

Мертвое море

острова
Аул Джафар

океан
Арийт

Бандар
Эбан

Фалие

РЕКА ЛАТОН

АРАД
ДОМАН

РЕКА АКУУМ

Китари

равнина
Алот

РЕКА АНЛАХАР

ТАРАБОН

Эмисри

Берег Тени

Палец
Замерзшего
под Ветром

остров
Куайм

остров
Тремалкин

остров
Куайм

остров
Куайм

остров
Куайм

Край
Мира

САМА

РЕКА АРХИВЕЛ

Торь
тумана

Плайри
Свар

Темный
Лес

Байр-он

АВУРЕЧЕ

Таро

Торь
тумана

Джеханийах

РЕКА ЭЛОД

ЭМА

РЕКА ШАРЯ

Эбу Дар

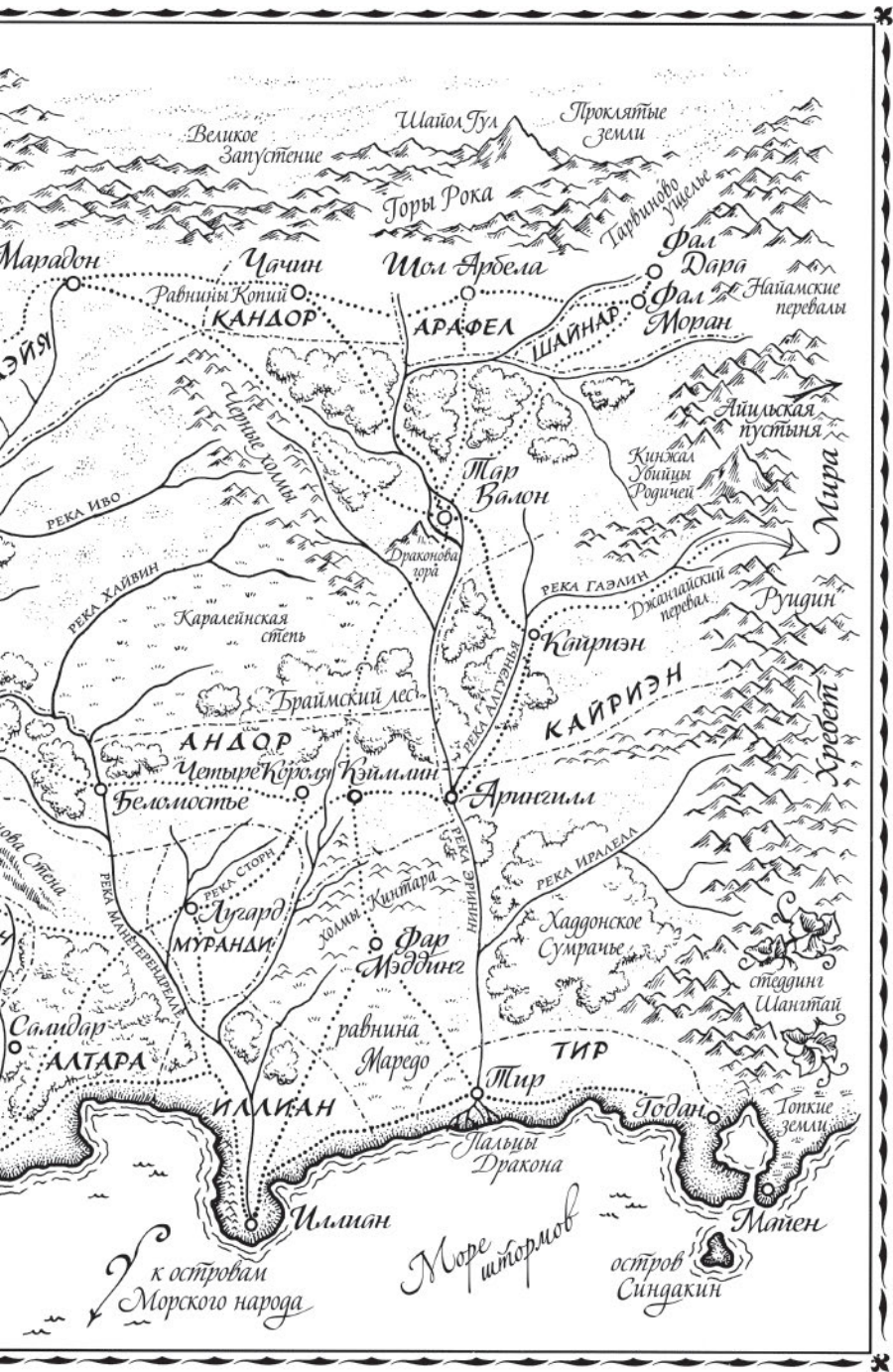
остров
Куайм

остров
Куайм

остров
Куайм

остров
Куайм

остров
Куайм

ПРОЛОГ

Первая весть

Демандред ступил на черный склон Шайол Гул из прорехи в ткани реальности, и прореха тут же замкнулась. Мутные пепельно-серые облака нависали, затягивая небо — этот перевернутый низом вверх океан мертвенно-бледных волн, бившихся вокруг окутанного туманом скалистого пика. Над раскинувшейся внизу бесплодной долиной то и дело вспыхивали странные тускло-голубые и красные огни, но они не в силах были рассеять сумрак, скрывающий их источник. Молния, ударив *снизу*, пронзила облака, ей в ответ глухо послышался раскат грома. Трещины в скальной породе сочились дымом и паром. В некоторые из этих трещин едва удалось бы просунуть руку, зато другие могли бы поглотить и десяток человек.

Демандред расстался с Источником, и одновременно с уходом Единой Силы ушло обостренное восприятие реальности, позволявшее ощущать окружающее яснее и четче. Расставшись с *саудин*, он почувствовал себя опустошенным, но только глупец стал бы направлять Силу здесь. И конечно, только глупец мог желать видеть, слышать или осязать все отчетливее именно здесь.

Во времена, которые ныне именовали Эпохой легенд, это место было идиллическим островком в холодном море, излюбленным местом для тех, кто предпочитал простой, бесхитростный образ жизни. Даже теперь, несмотря на дым и на пар, здесь было очень холодно. Демандред не позволял себе ощущать холод, однако инстинкт побудил его плотнее закутаться в подбитый мехом бархатный плащ. При дыхании изо рта его выходил серебристый пар и тут же исчезал в воздухе. В нескольких сотнях лиг к северу лежали вечные льды, но Такан'дар всегда пребывал безводным, словно пустыня, несмотря на вечную зиму, царившую в нем.

Нет, вода здесь была — чернильный ручеек тонкой струйкой стекал по скалистому склону неподалеку от сложенной из грубых серых камней кузницы. Внутри грохотали молоты, и с каждым ударом в узких окошках вспыхивал бледный свет. Одета в лохмотья женщина безвольно привалилась к шероховатой стене, прижимая к груди младенца. Долговязая исхудалая девочка зарылась лицом в ее юбки. Понятно было, что это пленницы, захваченные во время набега на Порубежье. Но пленных было мало. Надо думать, мурддраалы скрежетали зубами от ярости. Их клинки по прошествии времени теряли свою силу. Мечи нужно было менять, а набеги в Пограничные земли становились все реже.

Из кузницы вышел грузный, тяжелый на подъем молотобоец, похожий на высеченную из скалы статую. Кузнецы не были живыми людьми, — оказавшись в отдалении от Шайол Гул, любой из них обратился бы в камень или рассыпался в прах. Да и ковать они умели только мечи. Этот держал в руках длинные клещи с зажатым в них клинком, уже закаленным и в лунном свете казавшимся льдисто-белым. Живой не живой, но погрузил он поблескивающий металл в темный поток с большой осторожностью. Малейшее прикосновение к этой воде могло покончить и с тем подобием жизни, что теплилась в нем. Когда он вытащил клинок из ручья, металл сделался абсолютно черным. Но работа над клинком еще не была закончена. Шаркающей походкой молотобоец вернулся в кузницу, и оттуда раздался отчаянный крик. Кричал мужчина.

— Нет! Нет! НЕТ!

Крик превратился в пронзительный вопль, который становился все глуше, будто некая сила гасила голос, унося его далеко отсюда. Меч был готов.

Снова появился кузнец — тот же, а возможно, другой — и рывком поставил женщину на ноги. Она, девочка и младенец разразились рыданиями, но он вырвал дитя из объятий матери и сунул девочке в руки. В женщине проснулась воля к сопротивлению — она отчаянно царапалась и отбивалась ногами, но молотобоец этого даже не заметил: с тем же успехом можно было пинать скалу. Крики женщины смолкли, как только он затащил ее внутрь. Снова загрохотали молоты, заглушая плач детей.

Один меч был готов, над другим шла работа, и два еще предстояло сковать. Демандред никогда прежде не видел очереди из пятидесяти пленников, это как минимум, готовых послужить Великому повелителю Тьмы. Да, уж точно мурддраалы скрежещут зубами!

— Ты медлишь, когда тебя призывает Великий повелитель? — Голос прозвучал словно шорох осенней листвы.

Демандред обернулся. Он хотел возмутиться тем, что Получеловек осмелился говорить с ним в подобном тоне, но слова возмущения замерли на его устах. И вовсе не из-за ледящего взгляда безглазого лица — взгляда, повергавшего в трепет любого смертного. Он, Демандред, давно забыл, что такое страх. Ошеломил его сам вид облаченного в черное существа. Обычно мурддраал, змеобразное подобие человека, не превосходил в высоту мужчину ростом чуть выше среднего, но у этого плечи возвышались над головой Демандреда.

— Я отведу тебя к Великому повелителю, — заявил мурддраал. — Я — Шайдар Харан.

Он повернулся и начал взбираться по склону, проворно, словно змея. Чернильно-черный плащ свисал с плеч неестественно прямо и не играл складками при движении.

Демандред поморщился. Сколько он помнил, Полулюдям всегда давали имена на троллоковой тарабарщине — язык, выговаривая, сломаешь. Но Шайдар Харан на древнем наречии означало «Рука Тьмы». Это было странно и непонятно, а такого Демандред не любил, особенно в Шайол Гул.

Проход внутрь горы мог сойти за одну из многих каверн на склоне, но от него не исходило ни пара, ни дыма. В эту пещеру могли бы попасть одновременно сразу два человека, идущих плечом к плечу, но мурддраал шел впереди. Тоннель вел вниз, пол его был исхожен так, что казался отшлифованным вручную. По мере того как Демандред двигался под уклон, следуя за широкой спиной мурддраала, холод уступал место жаре, все нарастающей. Демандред ощущал это, хотя и не позволял жару себя коснуться. От каменных плит тоннеля исходил бледный свет, казавшийся ярким в сравнении с сумерками снаружи. С потолка свисали острые колючие зубья, готовые в любой момент разорвать врага. Их называли клыками Великого повелителя. Понятно, они были ненастоящими, но уничтожить могли реально.

Неожиданно для себя Демандред отметил некую странность. Всякий раз, когда ему прежде случалось проходить по этому тоннелю, острые зубья едва не царапали макушку. Но сейчас между головой шедшего впереди мурддраала и каменными клыками оставалось пространство в добрых две ладони. Демандреда это удивило. Удивило не то, что изменилась высота тоннеля, — здесь постоянно происходили самые невероятные вещи, — а то, что проход подделался под рост Получеловека. Великий повелитель намекал мурддраалу на свою благосклонность, словно тот был человеческим существом. Этот факт стоило взять на заметку.

Неожиданно тоннель вывел на широкий уступ над озером расплавленного камня. Черно-красная магма клокотала, выбрасывая танцующие языки пламени. Потолка у огромной пещеры не было, сквозь отверстие на вершине горы виднелось небо. Но это не было небо Такан'дара. В сравнении с этим даже такан'дарское, с его странными, трепещущими, будто от порывов ураганного ветра, бороздчатыми облаками, казалось обычным. Это место именовали Бездной Рока, хотя мало кто догадывался, сколь точно это название.

Даже после многочисленных посещений — а в первый раз он побывал здесь более трех тысячелетий назад — Демандред испытывал трепет. Здесь явно ощущался Проход, давным-давно проделанный в узилище, где с момента Творения был заточен Великий повелитель. Здесь, благодаря некой разреженности в Узоре, чувствовалось присутствие Великого повелителя, хотя в физическом смысле это место было ничуть не ближе к Проходу, чем любое другое в мире.

Демандред с трудом удержал улыбку. Какими все же глупцами должны быть те, кто пытается противиться Великому повелителю. Конечно, Проход все еще оставался запертым, но уже не так плотно, как в момент его пробуждения. Да, запертым, хотя он и увеличился по сравнению с тем, каким был, когда Демандред очнулся от долгого сна и вырвался из своего собственного узилища. Раньше, в конце Войны Силы, когда он и его соратники были заточены в Шайол Гул и Проход запечатали, он был больше. Но со времени пробуждения Демандред бывал здесь неоднократно и замечал, что с каждым разом Проход делается чуть шире. Скоро преграда падет и Великий повелитель вновь протянет свою длань над землей. Наступит День возвращения, и он, Демандред, станет вечным правителем мира. Разумеется, под верховенством Великого повелителя. И вместе с теми из Избранных, кому удастся к тому времени уцелеть.

— Теперь уходи, Получеловек. — Демандред не хотел, чтобы это существо видело, как его переполняет восторг. С болью одновременно.

Шайдар Харан не тронулся с места.

Демандред открыл было рот, но тут в его голове громом взорвался голос:

— ДЕМАНДРЕД.

Впрочем, назвать это голосом было все равно что гору — песчинкой. Громяхающий у него под черепом голос едва не сбил Демандреда с ног, наполнил его еще большим восторгом. Он упал на колени. Мурддраал встал рядом и бесстрастно смотрел на него, но Демандред едва ли замечал Получеловека — звучащий голос целиком завладел его разумом.

— ДЕМАНДРЕД, ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В МИРЕ?

Демандред понятия не имел, какими именно сведениями располагал Великий повелитель. Порой он поражал своей осведомленностью, иногда ошарашивал невежеством. Но сейчас Демандред точно знал, о чем желает услышать Великий повелитель.

— Равин мертв, Великий повелитель. Погиб вчера. — Восхищение сменилось болью. Руки и ноги Демандреда дрожали, он весь покрылся испариной. — Ланфир исчезла без следа, как и Асмодиан. А Грендаль говорит, что и Могидин не явилась на условленную встречу. И тоже вчера, Великий повелитель. Я не верю в случайные совпадения.

— РЯДЫ ИЗБРАННЫХ РЕДЕЮТ, ДЕМАНДРЕД. СЛАБЫЕ ОТПАДАЮТ. ПРЕДАВШИЕ МЕНЯ ВСТРЕТЯТ ОКОНЧАТЕЛЬНУЮ СМЕРТЬ. АСМОДИАН СЛОМЛЕН СВОЕЙ СЛАБОСТЬЮ. РАВИНА СГУБИЛА ЕГО ГОРДЫНЯ. ОН СЛУЖИЛ ХОРОШО, НО ДАЖЕ Я НЕ МОГ УБЕРЕЧЬ ЕГО ОТ ПОГИБЕЛЬНОГО ОГНЯ. ДАЖЕ Я НЕ В СИЛАХ СТУПИТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ ВРЕМЕНИ. — На миг этот ужасный голос наполнился гневом и... неужели отчаянием?.. Но только на миг. — ЭТО СОВЕРШИЛ МОЙ ДРЕВНИЙ ВРАГ, ТОТ, КОТОРОГО НАЗЫВАЮТ ДРАКОНОМ. ТЫ ОСВОБОДИШЬ ПОГИБЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ, СЛУЖА МНЕ, ДЕМАНДРЕД?

Тот заколебался. Бусинки пота скользили по его щекам; казалось, прошел час. Во время Войны Силы погибельный огонь в течение года использовали обе стороны, пока не смекнули, к чему это может привести. И тогда его применять прекратили — безо всякого соглашения или перемирия: никакого перемирия и быть не могло, как не могло быть и пощады. Но даже за этот год погибельный огонь выжег не только целые города, но и сотни тысяч нитей из Узора, так что едва не распалась ткань реальности. Весь мир мог истаять, словно туман. Если разящий огонь будет применен снова, не останется мира, которым можно было бы управлять.

И еще одно встревожило Демандреда. Великий повелитель знал, как умер Равин. Да и об Асмодиане, по-видимому, знал больше самого Демандреда.

— Как ты прикажешь, Великий повелитель. — Возможно, его и трясло, но голос был тверд, как скала. Колени, обожженные горячими камнями, уже начали покрываться волдырями, однако Демандред не обращал на это внимания.

— ИТАК, ТЫ СДЕЛАЕШЬ ЭТО.

— Великий повелитель, Дракона можно уничтожить. — «Мертвец всяко не способен испускать погибельный огонь, а коли так, это,

возможно, не потребуется и Великому повелителю». — Он невежествен, слаб и кидается в разные стороны. Разбрасывается, не умея сосредоточиться на главном. Равин был тщеславным глупцом. Я...

— ХОЧЕШЬ ТЫ СТАТЬ НИ'БЛИСОМ?

У Демандреда перехватило дыхание. Ни'блис имел право приказывать другим Избранным, оказываясь лишь ступенью ниже самого Великого повелителя.

— Я желаю лишь служить тебе всем, чем сумею, Великий повелитель.

Ни'блис!

— В ТАКОМ СЛУЧАЕ ВНИМАЙ И ПОВИНУЙСЯ. НЫНЕ ТЕБЕ ДАНО БУДЕТ ЗНАТЬ, КОМУ СУЖДЕНО ЖИТЬ, А КТО ОБРЕЧЕН НА ГИБЕЛЬ.

Когда Демандред осознал смысл услышанного, у него вырвался крик, и по щекам полились слезы радости.

Мурддраал за ним наблюдал бесстрастно.

— Хватит вам суетиться, — сказала раздраженно Найнив, перекинув через плечо свою длинную косу. — Толку-то от того, что вы хнычете, как маленькие девчонки?

За шатким столиком перед ней сидели две женщины. Обе они выглядели так же, как и сама Найнив, но были гораздо старше — самое меньшее лет на двадцать. Они были совершенно спокойны и уж точно не суетились. Наоборот, это Найнив нервничала из-за духоты и жары. Ей казалось, что в тесной каморке без окон уже не осталось воздуха. Она взмокла от пота, а этим женщинам хоть бы что. Лиане — высокая, меднокожая, в доманийского покроя платье из тончайшего голубого шелка — обладала, как видно, неистощимым запасом терпения, которого, возможно, недоставало Суан Санчей, хоть та и выглядела куда как крепче.

Вот и сейчас Суан что-то буркнула и раздраженно поправила юбку. Она отдавала предпочтение одежде простой и добротной, но сегодня утром была в платье из тонкого желтого полотна с тайренским шитьем по вырезу — и довольно глубокому. Ее голубые глаза казались холодными, как вода в бездонном колодце. Точнее, казались бы такими, если бы не изнуряющая жара. Впрочем, как бы ни менялись наряды Суан, взгляд ее не менялся никогда.

— Все равно не сработает, что так, что эдак, — отрезала Суан. Манера говорить у нее тоже осталась прежней. — Нельзя вернуть сторевшую лодку. По мне, все это пустая трата времени. Но я обещала, так что поторопись. У нас с Лиане и без того дел по горло.

Суан и Лиане занимались тем, что просматривали донесения глаз-и-ушей — сети соглядатаев, поставлявших сведения для собравшихся в Салидаре Айз Седай, — сообщения и слухи о событиях в мире.

Найнив тоже разгладила свою юбку, стараясь успокоиться. На ней было платье из простой белой шерсти с семью цветными полосами по подолу — по одной в соответствии с каждой Айя. Платье принятой. Это одеяние раздражало Найнив — она не думала, что может так злиться из-за одежды. Однако она вынуждена была признаться — разумеется, только самой себе, — что успела привыкнуть к изысканным нарядам. Да, она лучше чувствовала бы себя в зеленом шелковом платье, которое лежало сейчас в узле. Но только потому, что оно тонкое и легкое, а не из-за того, что зеленый цвет нравился Лану. Совсем не потому. Впрочем, все это пустые, бесплодные мечтания. Вздумай принятая надеть что-либо, кроме предписанного белого платья с семицветной каймой, ей бы очень быстро дали понять, что она еще далеко не Айз Седай. Найнив сосредоточилась и решительно выбросила все эти глупости из головы, — можно подумать, ей больше нечем заняться. А Лану еще нравилось и голубое. Нет!

Бережно и с опаской она прозондировала с помощью Силы сначала Суан, а потом Лиане. Собственно говоря, Силу Найнив сейчас вовсе не направляла. Она вообще была не способна даже почувствовать Истинный Источник, пока не разольется как следует. И все же в конечном счете дело сводилось именно к *саидар* — женской составляющей Истинного Источника. Тончайшие потоки пронизывали обеих женщин. Свила их Найнив, но почерпнула из Источника не она.

На левом запястье Найнив красовался простой, но изящный, составленный из множества сегментов серебристый браслет. Он, да, был изготовлен из серебра, причем не совсем обычного, но не это важно. Браслет был единственным украшением, которое носила Найнив, если не считать кольца Великого Змея. Принятым не полагалось щеголять побрякушками. Серебристое ожерелье, под стать браслету Найнив, охватывало шею четвертой находящейся в комнате женщины. Она сидела на табурете возле стены, сложив руки на коленях. Одета в грубошерстное коричневое платье, какие носят жены фермеров, она и своим здоровым, цветущим видом походила на крестьянку и к тому же совсем не страдала от жары. Сидела женщина совершенно неподвижно, но ее темные глаза ничего не упускали из виду. Эту женщину окружало — разумеется, в глазах Найнив — свечение саидар. Черпала из Источника она, но Найнив пол-

ностью контролировала направляемую ею Силу. Браслет и ожерелье создавали между ними связь, подобную той, которую устанавливают Айз Седай, когда хотят объединить свою мощь. По словам Илэйн, это получалось с помощью каких-то «абсолютно идентичных матриц». Правда, более-менее вразумительного объяснения тому, что это за матрицы такие, Илэйн дать не могла. Найнив подозревала, что та только делает вид, будто понимает, в чем суть этой связи. Сама Найнив не понимала ничего и не собиралась притворяться. Просто она воспринимала каждый оттенок чувств этой женщины, ощущала ее всю, словно та угнездилась в дальнем уголке ее сознания. Она чувствовала, как цеплялась эта женщина за саидар, и полностью контролировала ее. Порой Найнив хотелось, чтобы эта сидящая на табурете женщина была мертва. Так, конечно, было бы много проще. Яснее.

— Как будто что-то порвано или обрезано, — пробормотала Найнив, рассеянно утирая с лица пот. Ощущение было смутным, едва уловимым, но сегодня она впервые почувствовала нечто отличное от пустоты. Впрочем, возможно, это ей просто почудилось — уж больно хотелось хоть что-нибудь уловить.

— Это отъединение, — произнесла сидящая на табурете женщина. — Так раньше называлось то, что теперь вы именуете укрощением для мужчин или усмирением для женщин.

Три головы обернулись к ней, три пары горящих гневом глаз. Суан и Лиане были Айз Седай, пока их не усмирили, когда Элайда совершила в Белой Башне переворот, в результате которого и восседала теперь на Престоле Амерлин.

Усмирение. Одно это слово способно вызывать дрожь. Быть усмирённой означало никогда больше не направлять Силу, но всегда помнить об этой невосполнимой утрате. Ощущать Истинный Источник и знать, что тебе вовеки не коснуться его, — трудно представить горшующую муку. Не коснуться никогда, ибо усмирение, как и смерть, Исцелению не поддавалось.

Во всяком случае, так полагали все — но не Найнив. Она верила в возможность Исцеления Единой Силой чего угодно, кроме, разумеется, смерти.

— Если можешь сказать что-нибудь путное, Мариган, — резко заявила Найнив, — выкладывай, а нет, так сиди и молчи!

Женщина вжалась в стену, съежилась, не сводя глаз с Найнив. Та чувствовала, как страх и ненависть Мариган захлестывают ее, будто перекатываясь через браслет. Впрочем, так было всегда, что и немудрено. Пленники редко испытывают любовь к тем, кто их пленил, особенно если знают, что заслуживают куда худшей участи, чем

неволя. Найнив сердилась скорее из-за того, что и Мариган говорила, будто отъединение, или, по-нынешнему, усмирение, Исцелить невозможно. Правда, при этом она уверяла, будто в Эпоху легенд не умели Исцелять только смерть, тогда как теперь даже то, что умеют делать Желтые сестры, всего лишь грубое подражание истинному Целительству. Только вот толку от этих разговоров никакого, поскольку ничего конкретного Мариган не предлагала, даже малейшей подсказки дать не могла и в Исцелении понимала не больше, чем Найнив в кузнечном ремесле. Всякому известно, что металл надобно раскалить на огне да бить по нему молотом, но таких познаний не хватит даже для того, чтобы выковать простую подкову. Точно так же и общее представление о принципах Целительства еще не дает возможности залечить хотя бы простую ссадину.

Повернувшись на стуле, Найнив внимательно посмотрела на Суан и Лиане. Когда удавалось оторвать их от других занятий, на такого рода попытки уходили целые дни, но до сих пор все усилия ни к чему не привели. Неожиданно Найнив поймала себя на том, что вертит браслет на запястье. Какие бы преимущества ни давал браслет, ей было неприятно оставаться связанной с этой женщиной. От одной мысли о подобной близости мурашки пробегали по коже.

«Может, хоть так удастся что-нибудь выяснить, — подумала Найнив. — Хуже-то все равно не будет».

Она осторожно расстегнула браслет — застежку невозможно было найти, не зная, где та находится, — и протянула Суан:

— Надень!

Расставание с Силой, как всегда, несло с собой горечь, зато избавление от накатовавших через браслет враждебных чувств было подобно очищению души. Мариган смотрела на узенькую серебряную полоску как завороченная.

— Зачем? — удивилась Суан. — Ты ведь сама говорила, что эта штука работает только...

— Ты просто надень, вот и все.

Суан посмотрела на Найнив недовольно («Свет, подумать только, эта женщина так и не избавилась от своего упрямства!») и защелкнула браслет на запястье. В следующий миг на лице Суан появилось удивление, а затем она взглянула на Мариган, сузив глаза.

— Она ненавидит нас, но это я знала и раньше, безо всяких браслетов. А тут другое — страх и... потрясение. По лицу ее ничего не видно, но она потрясена до мозга костей. По-моему, она не верила, что я смогу воспользоваться этой вещью.

Мариган беспокойно шевельнулась. До сих пор только две знавшие ее женщины могли пользоваться браслетом. Если теперь их бу-

дет четыре, то возникнет больше возможностей задавать вопросы и получать ответы. Внешне Мариган демонстрировала полную готовность к сотрудничеству, но сколько она при этом скрывала?.. Столько, сколько могла, — Найнив в этом не сомневалась.

Суан тяжело вздохнула и покачала головой:

— Я не могу. Ты ведь думала, что через нее мне удастся дотянуться до Источника? Нет, скорее кабан влезет на дуб. Меня усмирили. Усмирили — этим всё сказано! Как снимается эта штуковина? — Она принялась теревить браслет. — Как ее снять, пропади она пропадом?

Найнив мягко положила ладонь на запястье Суан:

— Неужели ты не понимаешь, что ни браслет, ни ожерелье не будут действовать, если надеть их на женщину, не способную иметь дело с Силой? Если я нацеплю браслет или ожерелье на какую-нибудь кухарку, для нее это будут всего-навсего побрякушки.

— Насчет кухарок я ничего не знаю и знать не хочу. А то, что я не могу направлять Силу, это я знаю. Меня усмирили.

— Но у тебя есть нечто, что можно Исцелить, — настаивала Найнив. — Иначе ты просто ничего не почувствовала бы через браслет.

Суан отдернула руку и выставила запястье:

— Снимай!

Найнив кивнула и подчинилась. Суан часто бывала упрямой, словно мужчина!

Зато когда Найнив протянула браслет Лиане, та с готовностью подставила руку. Она, как и Суан, старалась не падать духом оттого, что усмирена, но ей это не всегда удавалось. Существовал, как считалось, единственный способ прожить подольше после усмирения — найти для себя нечто придающее жизни новый смысл, обрести цель и тем самым заполнить страшную пустоту, вызванную невозможностью прикоснуться к Источнику. Для Суан и Лиане таким делом стало, во-первых, управление сетью соглядатаев, во-вторых — что важнее, — старание убедить здешних Айз Седай в необходимости признать Ранда Драконом Возрожденным и поддержать его. И сделать все так, чтобы ни одна Айз Седай не прознала, чего именно они добиваются. Горечь на лице Суан и радостное волнение, охватившее Лиане, когда браслет защелкнулся у нее на запястье, говорили о том, что всего этого едва ли достаточно, чтобы совладать с потерей.

— Так и есть! — воскликнула Лиане, надев браслет. Манера говорить у нее была резковатой, и слова она произносила отрывисто, хотя с мужчинами вела себя совсем по-другому, и неудивитель-

но. Ведь родом Лиане была из Арад Домана, а в последнее время изо всех сил старалась наверстать упущенное за годы, проведенные в Башне. — Она и впрямь ошарашена, иначе не скажешь. Но похоже, уже начинает с этим справляться.

Некоторое время Лиане сидела молча, рассматривая женщину на табурете. Мариган отвечала ей настроженным взглядом. Наконец Лиане пожалала плечами:

— Я тоже не могу коснуться Источника. И еще я пыталась заставить ее почувствовать на лодыжке блошиный укус. Ничего не вышло, ведь она не смогла бы этого скрыть.

Такова была одна из хитрых особенностей браслета. Он позволял вызывать любое ощущение — например, заставить женщину, которая носит ожерелье, почувствовать боль от раны или ожога. Настоящих травм не было, и следов никаких не оставалось, но ощущение было более чем реальным. Таким реальным, что убедить Мариган в предпочтительности сотрудничества не составило особого труда. Тем более что и выбор у нее был небогат — повиновение или скорый суд и неминуемая смерть.

Несмотря на неудачу, Лиане внимательно наблюдала за тем, как Найнив расстегивает браслет и вновь надевает его себе на запястье. Похоже, она не рассталась с надеждой в один прекрасный день снова обрести способность направлять Силу.

Надев браслет, Найнив ощутила радость обладания Силой. Конечно, это было не то же самое, как обнимать саидар один на один, но даже прикосновение к Источнику через другую женщину дарило чувство полноты жизни. Саидар, наполнявшая ее, вызывала чистый восторг, почти неудержимое желание танцевать и смеяться. Когда-нибудь она привыкнет к этому, как и подобает настоящей Айз Седай. Но сейчас... пожалуй, связь с Мариган — не слишком высокая плата за столь восхитительное чувство.

— Теперь, когда мы знаем, что возможность есть, — сказала она, — я думаю...

Дверь распахнулась. Найнив поднялась с места, даже не успев понять, в чем дело, и не заметив, что Лиане и Суан тоже встали со стульев. Она ни звука не издала, у нее перехватило дыхание. Страх, водопадом хлынувший через браслет, смешался с ее собственным страхом.

Дощатая дверь закрылась. Вошедшая молодая женщина, похоже, не заметила даже, что ее появление вызвало такой переполох. Высокая, стройная, с золотистыми кудряшками, ниспадавшими ей на плечи, в обязательном для принятой белом платье с разноцветной каймой по подолу, она выглядела рассерженной до предела. Но,

даже несмотря на капельки пота, покрывавшие искаженное от гнева лицо, она выглядела на удивление красивой. Илэйн ухитрялась сохранять привлекательность при любых обстоятельствах.

— Знаете, что они задумали? — выпалила она с порога. — Посылают посольство в Кэймлин. В Кэймлин! И не позволяют мне ехать! Шириам сказала, чтобы я даже не думала об этом. Даже не заикалась!

— Илэйн, неужто так трудно усвоить, что без стука входить нельзя? — Найнив села. Точнее сказать, рухнула на сиденье стула — испуг прошел, ноги ее уже не держали. — Я подумала, это Шириам.

При одной мысли о том, что могло случиться, узнай Шириам, чем они здесь занимаются, Найнив снова стало не по себе.

Илэйн, надо отдать ей должное, покраснела и извинилась, но тут же стала оправдываться:

— Я в толк не возьму, с чего вы так всполошились. Я видела там, за дверью, Бергитте, а вы прекрасно знаете, что она не даст чужаку приблизиться незамеченным. Найнив, они *обязаны* отпустить меня в Кэймлин.

— Ничем они тебе не обязаны, — резко оборвала ее Суан. И она, и Лиане уже сидели по своим стульям. Суан сидела как всегда прямо, Лиане, наоборот, обмякла; у нее, похоже, как у Найнив, ноги подкашивались. Мариган, тяжело дыша, откинулась к стене. Глаза ее были закрыты. Браслет попеременно посылал волны то ужаса, то облегчения.

— Но...

Суан не дала Илэйн продолжить:

— Неужели ты полагаешь, что Шириам — или любая другая на ее месте — допустит, чтобы дочь-наследница Андора оказалась во власти Дракона Возрожденного? Теперь, когда твоя мать мертва...

— Я в это не верю! — воскликнула Илэйн.

— Ты не веришь в то, что ее убил Ранд ал'Тор, — безжалостно продолжала Суан, — а это совсем другое дело. В такое я тоже не верю. Но будь Моргейз жива, она бы открыто признала Ранда Драконом Возрожденным. Или, сочти она его Лжедраконом, непременно оказала бы ему сопротивление. Но никто из моих глаз-и-ушей ни о чем подобном даже краем уха не слышал. Ни в Андоре, ни в Алтаре, ни в Муранди.

— А вот и нет, — встряла Илэйн. — На западе разгорелся мятеж.

— Мятеж против Моргейз. Против! Если это вообще не пустой слух. — Голос Суан звучал тускло и невыразительно. — Твоя мать мертва, девочка. Лучше тебе оплакать ее и смириться со случившимся.

Илэйн вскинула подбородок и заговорила с ледяным высокомерием. Была у нее такая не очень приятная привычка, впрочем не мешавшая большинству мужчин находить ее более чем привлекательной.

— Ты сама без конца жалуешься на то, что подолгу не получаешь известий от своих соглядатаев, — холодно заявила Илэйн. — Но сейчас я не буду говорить, насколько верны твои сведения. Дело вовсе не в этом. Жива моя мать или нет, все равно ныне мое место — в Кэймлине. Я — дочь-наследница.

Суан фыркнула так громко, что Найнив чуть не сорвалась с места.

— Ты давно уже стала принятой, Илэйн. Должна бы и сама понимать.

Илэйн поморщилась. Она обладала редкостными способностями в обращении с Силой — подобная природная мощь встречалась раз в тысячу лет. Превосходила ее только Найнив, но та еще не научилась направлять Силу по своему желанию, но при виде девушки с такими возможностями у любой Айз Седай загорался огонь в глазах. Оставить подобное дарование без внимания Башня не могла, и Илэйн действительно понимала, что, даже будь она королевой, восседающей на Львином троне, Айз Седай все равно нашли бы способ заставить Найнив учиться — попросив или уговорив, но, если потребуется, могли и применить силу. Илэйн хотела что-то сказать, но Суан продолжила, не обращая на нее внимания:

— По правде говоря, они ничего не имели бы против твоего скорейшего воцарения. Долгие века ни одна Айз Седай не восседала на королевском троне — во всяком случае, открыто. Но ты пока еще не стала полноправной сестрой. Да и когда станешь ею, тебя не сразу отпустят. Ты — дочь-наследница, и тебе предстоит стать королевой. Ты слишком важна. Прежде чем позволить тебе отправиться в Андор, они должны убедиться, что этому Дракону Возрожденному, чтоб ему провалиться, можно доверять. Что сомнительно, особенно после его затей с объявленной... амнистией.

Она криво усмехнулась, а Лиане поморщилась. Не по себе стало и Найнив. С детских лет ее приучили считать способных направлять Силу мужчин чудовищами. Ведь они обречены на безумие, которое заставит их повергать людей в ужас своими деяниями, прежде чем сами они погибнут в страшных мучениях. Порча, наведенная Темным на мужскую составляющую Истинного Источника, делала эту участь неизбежной. Но Ранд, которого она знала с малолетства, был Драконом Возрожденным. Само его появление на свет возвещало о приближении Последней битвы, в которой ему предстояло сразиться с Темным. Дракон Возрожденный — единственная надеж-

да человечества, но он мужчина, и он способен направлять Силу. Хуже того, ходили слухи, что он задумал собрать вокруг себя и других обладающих подобными способностями мужчин. Правда, таких не могло оказаться много. Все Айз Седай выискивали их без устали — Красные сестры только этим и занимались, — но находили редко, гораздо реже, чем, если верить книгам, это случалось в прежние времена.

Илэйн между тем сдаваться не собиралась. Нрав у нее такой, что она и на эшафоте под топором палача упорствовала бы до последнего мгновения. Вздернув подбородок, она вызывающе смотрела в глаза Суан, а Найнив по опыту знала, как нелегко выдержать взгляд бывшей Амерлин.

— Ехать должна именно я, и на то есть две веские причины. Во-первых, что бы ни случилось с моей матерью, она пропала без вести, и, поскольку я — дочь-наследница, только я могу не допустить смуты, обеспечив законную преемственность власти. Во-вторых, я знаю, как подступиться к Ранду. Он мне доверяет. Для Совета было бы самым разумным остановить свой выбор на мне.

Здесь, в Салидаре, Айз Седай образовали собственный Совет Башни — Совет в изгнании. Предполагалось, что он займется выборами новой, законной Амерлин, которая сможет по праву оспорить притязания Элайды на этот титул. Правда, Найнив казалось, что они не проявляют в этом особого рвения.

— С твоей стороны было очень любезно предложить такую жертву, дитя мое, — язвительно заметила Лиане.

Выражение лица Илэйн не изменилось, но она густо покраснела. Мало кому за пределами этой комнаты было известно об отношениях Илэйн с Рандом, и, уж конечно, об этом не догадывалась ни одна Айз Седай. Но Найнив не сомневалась: попади Илэйн в Кэймлин, она первым делом найдет способ уединиться с Рандом и полетит к нему с поцелуями.

— В сложившихся обстоятельствах, когда твоя мать... пропала... Пойми, если Ранд ал'Тор, уже захвативший Кэймлин, получит еще и тебя, весь Андор будет в его руках. А Совет сделает все, чтобы не позволить ему приобрести в Андоре больше влияния, чем имеют они. Да и где бы то ни было, не только в Андоре — если могут этого не допустить. Он и так уже наложил руку на Тир, Кайриэн и, кажется, на айильцев. Добавь сюда Андор, и вскорости Муранди и Алтара падут, стоит ему чихнуть. Алтара, где находимся мы! Его могущество растет слишком быстро, и в один прекрасный день он может решить, что вовсе в нас не нуждается. Ведь теперь, когда погибла Морейн, рядом с ним нет никого, кому мы можем доверять.

Услышав имя Морейн, Найнив вздрогнула и поморщилась. Морейн была той самой Айз Седай, которая вывезла ее из Двуречья, круто изменив всю ее жизнь. Ее, Ранда, Эгвейн, Мэта и Перрина. Найнив слишком уж долго мечтала заставить когда-нибудь Морейн заплатить за все, что та с ними сделала, поэтому гибель этой Айз Седай стала для нее равносильна утрате части самой себя. Но Морейн погибла в Кайриэне, погибла, прихватив с собой Ланфир. Она уже становилась легендой среди здешних сестер — единственная Айз Седай, которой удалось убить какого-то из Отрекшихся, а может, даже и двух. Одно, хоть об этом стыдно даже подумать, принесло Найнив облегчение. Со смертью Морейн Лан перестал быть ее Стражем. Теперь он свободен — вот только как его найти...

Суан продолжила свою речь, как только замолчала Лиане:

— Мы не можем позволить молодому человеку пускаться в плавание без руля и без ветрил. Кто знает, что он способен натворить? Да-да, я вижу, ты всегда стоишь за него горой, но я о такой ерунде и слышать не желаю. Девочка, мне приходится танцевать с живой щукой-серебрянкой на носу. С одной стороны, мы не можем позволить ему слишком окрепнуть, прежде чем он предпочтет действовать в согласии с нами, а с другой — не должны отталкивать или раздражать его. Я пытаюсь убедить Шириам и прочих в том, что ему *необходимо* оказать поддержку, в то время как добрая половина Совета считает самым разумным держаться от него подальше, а остальные в глубине души предпочли бы его укротить, хоть он и Дракон Возрожденный. И вообще, каковы бы ни были твои доводы, не советую соваться с ними к Шириам. Ей ты все равно ничего не докажешь, а сама неприятностей не оберешься. Послушниц у Тианы сейчас маловато, так что ей в самую пору заняться тобой.

Илэйн сердито поджала губы. Тиана Нозелль, Серая сестра, здесь, в Салидаре, исполняла обязанности наставницы послушниц. Принятой надо было совершить серьезный проступок, чтобы ее отправили для разбирательства к Тиане, но оттого наказание казалось еще более горьким и постыдным. Если по отношению к послушницам Тиана порой и выказывала некоторое — некоторое — снисхождение, то с принятых спрашивала в полной мере. Ни одной из них не хотелось оказаться в той маленькой комнатушке, которая служила кабинетом наставницы.

Найнив внимательно посмотрела на Суан, и вдруг ее осенило.

— Ты ведь все знала об этом... посольстве, или как его там... разве не так? Конечно, ведь вы обе всегда ладили с Шириам и ее компанией. — До избрания новой Амерлин верховная власть формально принадлежала Совету, но на деле всем заправляла кучка Айз Седай,

первыми обосновавшимися в Салидаре. — Скольких они посылают в Кэймлин, Суан?

Илэйн ахнула: очевидно, такое ей даже в голову не приходило. Уже одно это показывало, насколько девушка огорчена. Обычно Илэйн бывала дальновиднее и догадливее Найнив.

Суан не стала ничего отрицать. С тех пор как ее усмирили, она могла лгать напрадую, точно торговец шерстью, но если предпочитала играть в открытую, то обходилась без обиняков.

— Девятерых. «Вполне достаточно, чтобы оказать честь Дракону Возрожденному». Рыбий потрох! К королю и то редко посылают больше трех! «Но этого мало, чтобы его испугать». Если он узнал достаточно и имеет представление, чего нужно страшиться.

— Вам бы лучше надеяться, что он знает достаточно, — холодно вставила Илэйн. — Если нет, восемь из ваших девяти окажутся лишними.

Если Ранд узнал достаточно много, он должен опасаться тринадцати Айз Седай. Ранд был силен, возможно, как ни один мужчина со времен Разлома Мира, но тринадцать Айз Седай, соединившись, могли одолеть его, отрезать от саидин и пленить. Правила предписывали, чтобы укрощение мужчины осуществлялось тринадцатью сестрами. Правда, Найнив подозревала, что это скорее дань традиции, чем действительная потребность. Айз Седай многое делали только потому, что так повелось испокон веков.

Улыбка Суан стала язвительной.

— Надо же, девочка, какая ты умница. Полагаешь, ни Шириам, ни Совет об этом не подумали? Все предусмотрено. Сначала к нему приблизится только одна из посланниц, чтобы он не насторожился. Но он будет знать, что их прибыло девять, и кто-нибудь непременно объяснит, какая честь ему оказана.

— Понятно, — тихонько пробормотала Илэйн. — Мне следовало бы самой догадаться, что кто-нибудь из вас об этом подумает. Прощу прощения.

Эта черта, безусловно, относилась к достоинствам Илэйн. Девушка могла быть упряма, как мул, но, поняв, что не права, признавала это и извинялась, чем заметно отличалась от большинства знатных дам.

— Поедет и Мин, — сказала Лиане. — Ее... дарование может принести пользу Ранду, но сестры, разумеется, в это не посвящены. Она умеет хранить секреты. — Как будто это было важно.

— Понятно, — повторила Илэйн, на этот раз безжизненным тоном. Она постаралась заставить свой голос звучать не так мрачно, но ничуть в этом не преуспела. — Ну что ж, вижу, вы очень заняты

с... с Мариган. Я не хотела вас беспокоить. Не буду вам мешать. — И не успела Найнив открыть рот, как девушка исчезла, громко хлопнув за собой дверь.

Найнив рассерженно обернулась к Лиане:

— Я-то думала, ты не такая, как Суан. Зачем ты ее огорчила? Это жестоко!

Ответила ей Суан:

— Если две женщины влюблены в одного мужчину, всяко добра не жди, а уж ежели этот мужчина — Ранд ал'Тор... Одному Свету ведомо, сохранил ли он рассудок и к чему эти девицы могут подтолкнуть его своими выходками. Если им придет охота отгаскать друг дружку за волосы, пусть лучше займутся этим здесь и сейчас.

Найнив непроизвольно схватилась за косу и тут же раздраженно отбросила ее за плечо.

— Мне надо бы... — начала она и осеклась. Беда в том, что ей все равно не под силу повлиять на ход событий. — Давайте продолжим с того, на чем остановились, когда вошла Илэйн. Но, Суан... если ты еще раз поступишь так с Илэйн, — «Или со мной», — добавила Найнив мысленно, — ты об этом пожалеешь. Э, куда это ты собралась?

Суан встала, отставив в сторону стул, и бросила взгляд на Лиане. Та тоже поднялась.

— У нас дела, — уклончиво ответила Суан, уже направляясь к двери.

— Но ведь ты обещала... — запротестовала Найнив. — И Шириам тебе говорила.

Если честно, Шириам считала все это пустой тратой времени не в меньшей степени, чем Суан, но полагала, что Найнив с Илэйн заслужили небольшую привилегию. Вроде того, чтобы дать им в услужение Мариган, тем более что тогда у обеих принятых останется больше времени на занятия.

Суан бросила на нее с порога лукавый взгляд:

— Шириам, говоришь? Так, может, ты ей на меня пожалуешься? А заодно растолкуешь, как именно ты проводишь свои исследования. Кстати, мне потребуется Мариган сегодня вечером. Хочу кое о чем расспросить ее.

Когда Суан вышла, Лиане грустно заметила:

— Все бы хорошо, Найнив, но прежде всего мы должны делать то, что в состоянии сделать. Попробуй заняться Логайном.

Потом ушла и она.

Найнив нахмурилась. Изучение Логайна дало ей еще меньше, чем работа с этими двумя женщинами, и она полагала, что едва ли смо-

жет узнать с его помощью что-нибудь еще. К тому же ей меньше всего на свете хотелось Исцелять укрощенного мужчину. Один его вид ее раздражал.

— Вы бросаетесь друг на друга, как пауки в банке, — подала голос Мариган. — Судя по всему, шансы на успех у вас невелики. Может, тебе стоит подумать... о других вариантах?

— Попрдержжи свой гнусный язык! — рявкнула Найнив, бросив на нее свирепый взгляд. — Молчи, испепели тебя Свет!

Страх по-прежнему просачивался через браслет, но ощущалось и нечто иное, почти неуловимое. Возможно, проблеск надежды.

— Испепели тебя Свет! — повторила Найнив.

В действительности эту женщину звали не Мариган, а Могидин, и она была одной из Отрекшихся, попавшей в ловушку из-за своей непомерной гордыни и оказавшейся пленницей в окружении множества Айс Седай. Во всем мире правду о ней знали лишь пять женщин, и среди них не было ни одной Айс Седай. Приходилось скрывать, кто она такая, ибо преступления Отрекшейся были столь ужасны, что, выйди истина наружу, казнь ее оказалась бы столь же неотвратимой, как закат солнца. Суан согласилась хранить секрет именно потому, что понимала: на каждую сестру, готовую хотя бы повременить с наказанием, найдутся десять, которые станут требовать немедленного и справедливого возмездия. Но если оно осуществится, вместе с Отрекшейся уйдут в безымянную могилу бесценные знания Эпохи легенд, когда с помощью Силы люди умели совершать невероятное, такое, о чем сегодня даже и не мечтали. Правда, Найнив не верила и половине того, что рассказывала Могидин о той эпохе. А понимала еще меньше.

К тому же выудить из пленницы полезные сведения было не так-то просто. Взять, например, Целительство — в нем Могидин мало что смыслила, скорее всего, потому, что, как подозревала Найнив, и в прежние времена интересовалась лишь тем, что могло способствовать ее возвышению и что не заставляло ее прилагать много стараний. Да и вряд ли стоило рассчитывать, что она так прямо и выложит свои знания. Найнив полагала, что эта женщина была лживой и вероломной еще до того, как запрдала душу Темному. Порой Илэйн и Найнив просто не знали, с какого конца подступиться, какие задавать вопросы. Уклониться от ответов Могидин не могла, но сама, по доброй воле, ничего рассказывать не собиралась. Но пусть с трудом, по крупицам, выяснили они не так уж мало. Все эти сведения Найнив и Илэйн сообщали Айс Седай, но преподносили их как результаты собственных исследований. Немудрено, что их ценили и выделяли среди прочих принятых.